

УДК 821.161.1

Тимакова А.А.

(г. Пенза)

УНИВЕРСАЛИЯ «НАРОД» И ЕЁ ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Аннотация. В статье представлен опыт анализа универсалии «народ» с применением методологии семиотики, что обусловлено многоуровневой структурой и богатыми интерпретационными возможностями данной универсалии. Автор выделяет несколько атрибутов понятия «народ», изменяющихся на протяжении XIX и XX вв.: замкнутость/открытость границ понятия, противопоставленность структурообразующих элементов и наличие постоянных/переменных семантических коннотаций. На основании этого доказывается, что универсалия «народ» является транслятором модели социальных отношений и уровня национального самосознания.

Ключевые слова: семиотика, знак, многоуровневая структура, универсалия «народ», интерпретационные возможности.

A. Timakova

(Penza)

THE CONCEPT «FOLK» AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION IN A LITERARY TEXT: SEMIOTIC ASPECTS OF THE ANALYSIS

Abstract. The article describes the experience of the analysis of the concept «folk» with the use of the semiotics methodology, caused by the multi-level structure and rich interpretive possibilities of this concept. The author identifies several attributes of the concept «folk», changing over the XIX and XX centuries: insularity/openness of the concept borders, the opposition of the forming elements and the presence of permanent/variable semantic connotations. On this basis, it is proved that the concept «folk» is a translator of social relations model and the level of national consciousness.

Key words: semiotics, sign, multilevel structure, concept «folk», interpretive possibilities.

Понятийный аппарат и методологический инструментарий семиотики весьма продуктивны в филологических исследованиях, объектом которых являются философские, надличностные категории, такие как «свобода», «символ», «дом» и подобные. Семиотическая интерпретация представляет-

ся уместной и при рассмотрении универсалии «народ» как знака, отражающего определённую модель мировосприятия и репрезентирующего её в языковых (текстовых) формах. Цель нашей работы – рассмотреть универсалию «народ» в семиотическом аспекте и выявить свойственную ей суть отношений «обозначающее/обозначаемое» во временной перспективе XIX–XX вв. Для этого потребуется определить историко-культурную составляющую универсалии, характерную для XIX в., и проследить её изменения на рубеже веков и в новом столетии в текстах современников эпох и авторов нового поколения.

Исследователи выделяют два основных уровня понимания универсалии «народ»: обыденный (всё население страны) и теоретический, раскрывающий её с этносоциальной и социологической позиций [6, с. 3]. Так, в этносоциальном смысле народ – это общность людей, образующая род, племя, нацию. Причём понятие «нация» учёные используют и в социологических интерпретациях, поскольку принципиальное разделение семантической группы «этническое / культурно-экономическое» при составлении дефиниции «народ» вряд ли возможно. Подобная совокупность смысловых оттенков, необходимое сопряжение семантических полей требуется при характеристике такой многоаспектной универсалии, какой, на наш взгляд, и является «народ».

Пользуясь понятийным аппаратом семиотики, можно рассматривать универсалию «народ» как знак, интерпретация которого зависит от выбранного аспекта: народ – это общность, объединённая родом, территорией, культурой, религией, историей, языком, социальными законами, особенностями мировосприятия (менталитетом) и так далее. В разные исторические периоды доминировали те или иные смысловые акценты этой универсалии, что закономерно отразилось в художественных текстах, воспроизводящих реалии определённой эпохи. Причём если в Древней Руси или России XVIII в. под словом «народ» в подавляющем большинстве случаев понимался род, объединённый верой, территорией, обычаями (*русский народ, немецкий, татарский* и проч.), то к середине XIX в. ситуация меняется: универсалия «народ» приобретает значение «простолюдины, непривилегированные массы», свойственное политологическому подходу к оценке общественной жизни.

В романах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова ещё сохраняется прежний понятийный ряд: русский человек – преимущественно русский дворянин, мужик – крестьянин, народ – нация. А вот уже в произведениях середины XIX в. заметно смещение семантических полей «крестьянин» и «народ», их сближение. Одними из первых это отобразили в своих произведениях И.С. Тургенев и Д.В. Григорович.

И.С. Тургенев не был первым, кто обратился к образу и жизни простолюдина (В.Г. Белинский сравнивает очерки «Записок охотника» с рассказами В.И. Даля), но именно он в «Записках охотника» создаёт живую картину русского *народа*. Автор противопоставляет мир уездного дворянства крестьянской среде, однако основано это противопоставление на морально-нравственных критериях, социальные «маркеры» в создании образа простолюдина если и есть, то не определяют сути характера, не подавляют личностных качеств. Произведения И.С. Тургенева отражают произошедшую к середине XIX в. контаминацию понятий «крестьяне, простолюдины» и «народ»: «народ христианский», «высыпал весь народ на улицу, в поле...», «держали музыкантов, песельников, гаеров и собак, в торжественные дни поили народ вином и брагой», «фельдшер купил на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народ Божий» [8]. Время создания цикла – период 40–50-х гг. XIX в. – в социально-политическом отношении было предреформенным, непростым. Усиление кризиса крепостной системы, с одной стороны, и ориентация дворянства на европейские программы просвещения или, наоборот, стремление консервативной его части укрепить самодержавие, с другой, завершают формирование противопоставленных социальных групп – элита (дворяне) и непривилегированные массы. Причём, как верно указывают А.И. Журавлёва и В.Н. Некрасов, «народ и не народ – образованные люди – просто существовали в разных культурах» [4, с. 18]. Универсалия «народ», таким образом, стала знаком принадлежности к непривилегированной массе населения.

Отражает И.С. Тургенев и традиционную для русской речи замену «люди» → «народ» («охотники народ неразборчивый», «бабы народ глупый»), однако знаковым, рубежным был свершившийся переход к иной модели социальных атрибуций, что и фиксируется в литературе.

Подобная полярность «народа» и «не народа» определялась и формальным признаком – территорией: столицы (Москва и Санкт-Петербург) и провинция. В этом плане весьма показателен выбор Тургеневым эпитафии для очерка «Живые мощи» из цикла «Записки охотника» – «...Край ты русского народа!» – из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...». Взяв одной из характеристик универсалии «народ» границы этого понятия, можно говорить об их замкнутости, произошедшей к XIX в. Лермонтовская «Родина», очерки И.С. Тургенева, стихотворения Ф.И. Тютчева, романы Д.В. Григоровича и другие художественные произведения демонстрируют явное разделение России на «дворянскую», элитарную, и «народную», низовую.

Историко-культурная составляющая универсалии «народ» на рубеже XIX–XX вв., сохраняя прежние характеристики, расширяется за счёт включения так называемого «рабочего класса». Рост промышленного произ-

водства формирует в народной среде отдельную социальную группу «фабричных людей», отошедших от своего хозяйства, промысла (об этом пишет Д.В. Григорович в романе «Рыбаки»). Отмена крепостного права способствовала размыванию семантических границ универсалии «народ», в структуру которой в начале XX в. вошло новое понятие – «рабочий». Хрестоматийным примером, подтверждающим этот исторический факт, является боевой марш революционера Леонида Радина «Смело, товарищи, в ногу!»: «Вышли мы все из народа, // Дети семьи трудовой...» (1897).

В целом рубеж XIX–XX вв. был временем обновления русского жизненного пространства, всей модели его мироустройства. Войны, революции, смена общественной формации – страна была во власти перемен, и не удивительно, что семантическое наполнение одной и той же понятийной категории варьируется. Так, в «Окаянных днях» И.А. Бунина читаем: «Это я писал летом 16 года, сидя в Васильевском, предчувствуя то, что в те дни предчувствовалось, вероятно, многими, жившими в деревне, в близости с народом» (запись от 10 февраля). Здесь очевидна дистанция между автором-дворянином и этим «народом». А ранее, в записи от 6 февраля, автор приводит фрагмент услышанного им на улице разговора: «Дама поспешно жалуется, что она теперь без куса хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустила, так как их нечем кормить: – Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом нам же, народу!» [1, с. 8–9]. Так, по причине сложившихся исторических обстоятельств («народная» власть большевиков) в структуру универсалии «народ» вошли ранее привилегированные слои населения, противопоставленные теперь людям, имеющим власть.

Примечательно, что этот процесс имел и обратную направленность: стремление из «народа» в «элиту», к иному социальному статусу, что ранее было недоступно. Вот как пишет об этом А. Варламов в романе «Мысленный волк», посвящённом событиям 1914–1917 гг.: «Я ещё, помню, спросил его: ты зачем, мальй, из дому убежал? С отцом-матерью не жилось? Ну, думаю, сейчас начнёт про патриотизм, про царя мне рассказывать... А этот знаете, что мне ответил? – Что? – подался вперёд Легкобытов. – Война – это мой личный шанс. <...> Я, говорит, подвиг совершу, и меня в офицеры произведут. Я ему: для чего тебе в офицеры? А он отвечает: не хочу мужиком быть. <...> Такие пошли молодые крестьяне» [2, с. 421]. И чаще всего стремление выйти из своей социальной группы было продиктовано не обретением новых возможностей, а попыткой переписать судьбу, линии которой для «народа» в XIX в. были определены и неизменны.

С укреплением власти Советов и усилением роли партии изменяется и структура универсалии «народ»: она приобретает коннотацию «советский»

и встаёт в один ряд со словами «партия» и «Родина»: «И я отвечаю. Перед партией, перед народом нашим, перед Родиной» (А. Иванов «Вечный зов») [5, с. 58]. «Советский народ» характеризуется (в идеале) коллективизмом, интернационализмом, устремлённостью в будущее, признанием ведущей роли партии не только в жизни общества, но и человека. Теперь *народу* противопоставлены «эксплуататоры» и «враги» (идеологические). В романе А. Иванова таким идейным врагом советской России изображён Арнольд Лахновский, бывший следователь Томской городской жандармерии, умный, хитрый человек, презирающий «народ» как невежественную, тёмную массу. Его позиция иллюстрирует классовое презрение «элиты» к «толпе»: «Что же, с моей точки зрения, произошло в мире после революции в России?.. В так называемом народе произошёл взрыв биологического бешенства... Слепое биологическое бешенство, заложенное в каждом людеобразном, вырвалось наружу. Российские правители были безмозглые дураки... Надо было или держать это биологическое бешенство народа в узде, в таких крепких сосудах, чтобы оно оттуда не выплеснулось и не разорвало сам сосуд, или <...> спускать потихоньку пар из котла... Ну, не знаю, какие-то подачки, что ли, бросать время от времени всем этим рабочим и крестьянам, всей вонючей дряни... Но власть имущие в России до этого не додумались. И прошёл по России смерч, который всё смёл на своём пути» [5, с. 278]. Этот смерч коснулся глубинных основ жизни, разрушив прежние социальные границы и создав новые, обусловленные не происхождением и образованием, а политическими взглядами и общественной позицией. События Великой революции, таким образом, ускорили процесс семантического расширения границ универсалии «народ».

Очередные коррективы в модель универсалии «народ» вносит героический подъём духа людей в годы Великой Отечественной войны, их истинное братское объединение в борьбе за Родину. Л.М. Леонов в повести «Взятие Великошумска» (1944) называет русскую армию «рекой народного гнева», «вековую дремучую силу» которого разбудил враг [7]. Герои повести ощущают себя причастными к судьбе своей страны, и это объединяет людей в едином героическом порыве: « – Эх, лейтенант... – и что-то дрогнуло в его голосе, – хороший народ проживает на моей земле, мой народ. Семь раз сряду жизнь за него отдам. Потом отдохну немножко <...> и ещё раз отдам» [7]. Эта жертвенность – результат осознания себя частью национальной общности и безоговорочное признание доминирования её интересов. Подобное восприятие мира и себя в нём, репрезентованное в модели «я = народ», возникает в истории любого государства в периоды освободительных войн, когда свобода Родины становится высшей ценностью. В такое время универсалия «народ» включает в себя максимальное количество характе-

ристик – этнических, социокультурных, политических, – отражая то, что именно народ является главным участником истории страны, этой «роевой жизни человечества» (Л.Н. Толстой).

Итак, рассмотрение семантического поля универсалии «народ» во временной перспективе позволяет говорить о её многоуровневой структуре, поддающейся различным вариантам интерпретации. В произведениях художественной литературы универсалия «народ» – важный знак, атрибут определённого этапа развития страны. Обнаружение в структуре этого знака эквивалентных категорий, изменяющихся с течением времени и сменой общественных формаций, подтверждает, что универсалия «народ» является частью культурного кода нации, транслятором модели социальных отношений и уровня национального самосознания.

Литература

1. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Изд-во «А3Ъ», 1991. 108 с.
2. Варламов А.Н. Мысленный волк. М.: Изд-во «АСТ», 2014. 512 с.
3. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Слово «народ» в афористических высказываниях // «Вестник Московского государственного областного университета» (Электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/278> (дата обращения: 01.09.2015).
4. Журавлёва А.И. Некрасов В.Н. Григорович в русской литературе // Григорович Д.В. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. Т. I. С. 3 – 20.
5. Иванов А. Вечный зов. Роман в двух книгах. Книга 2. М.: Изд-во «ФОСКОМ», 1993. 510 с.
6. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с.
7. Леонов Л.М. Взятие Великошумска. М.: Художественная литература, 1984. 128 с.
8. Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Художественная литература, 1984. 254 с.